

«Летом 1944 года Советская Белоруссия была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Фронт покатился дальше, к немецким границам, оставляя на полях жестоких сражений множество безымянных холмиков – могил советских солдат. Тайны многих из них

до сих пор не разгаданы. Так, в одном из боёв за освобождение белорусской вёски Друйка в 1944 году был тяжело ранен единственный сын русского поэта Марины Цветаевой – Георгий Эфрон. Но по пути в госпиталь его следы бесследно теряются. Многие исследователи и военные корреспонденты пытались пройти тропами исследователей этой трагической истории...»

«Сын гения – Жора Эфрон – прожил 19 лет и погиб смертью храбрых. “Мальчиков нужно баловать, – им, может быть, на войну придётся”, – пророчествовала Марина Цветаева, едва сыну исполнился... месяц»...

Поводом к написанию материала послужило горячее желание ещё раз показать на примере судьбы талантливого молодого юноши из аристократической семьи, сына гениальной поэтессы, рождённого и воспитанного на примерах величайших образцов мировой литературы, с привитием самых гуманных принципов и правил жизни, юноши, образованного и способного принести немалую пользу своему Отечеству, но погибшего в самом расцвете жизни в 19 лет в мясорубке войны, всю её (войны), вновь и вновь стучащей в наши двери, нелепость и ненужность...

Таких юношей было много, их миллионы, но столкновение с этой историей породило стойкую потребность рассказать о ней, вновь и вновь подчеркнуть бессмысленность, нечеловеческую жестокость и разрушительность войн, несущих только смерть, кровь, боль, гибель. Ещё раз напомнить людям, человечеству, что война – это разруха, смерть, страдания, и что она – не нужна никому на свете. Никому из живущих. Ибо жизнь человеческая – бесценна. И она хрупка. И, что главное, она – единственная...

И особенно подтолкнула информация о сыне Марины Цветаевой, найденная в Интернете на сайте Министерства обороны РФ в разделе «Книга памяти». Там чёрным по белому написано, что прах Георгия Сергеевича Эфрона покоится в братской могиле в Браславе и перенесён туда из деревни Струневщина. И что погиб Георгий (Мур) в бою за освобождение маленького белорусского села Друйка, от которого сегодня осталось всего несколько домов.

И ещё: пишу, потому что бесконечная тревога переполняет сердце. Потому что сейчас, когда я работаю над этим материалом, на улицах Минска активничает «Радио Свобода». Передаёт по своим каналам в различных ракурсах демонстрации из центра столицы Беларуси, показывая толпы идущих и орущих с лозунгами против интеграции Беларуси и России. Ведёт прямую трансляцию по всем информационным каналам Интернета.

Такая вот действительность. На самом деле толпа не так велика, но показывают её очень активно из разных точек, зрительно умножая и увеличивая. Разговаривая по телефону с друзьями и коллегами из Минска, узнала, что большинство минчан спокойно заняты своими субботними заботами, делами семейными, походами по магазинам за предновогодними покупками... При этом всячески стараются обходить те «беспокойные» улицы, на которых организаторы этих самых беспокойств разыгрывают свой сценарий...

Месяца два назад мы решили побывать на могиле Георгия Эфрона. День поездки в деревню Друйка был пасмурный, холодный, словом, обычный осенний, который ничем не отличался от предыдущих: серое небо в тучах, морозящий дождь... Золотящиеся ещё кое-где в перелесках по обочинам кроны тополей и клёнов словно напоминали нам о том, что ещё вчера было солнечно и тепло.

Мы подъехали к новому зданию Друйской средней школы Браславского района, расположенному на месте бывшего детского дома. У входа нас встретила директор Людмила Генриховна Король. О встрече мы договаривались заранее, потому, не медля, она познакомила нас с Анжеликой Романовной Букей, заместителем директора. Именно Анжелика Романовна показала нам дорогу к захоронению, ради которого мы и приехали. Оно было на окраине кладбища у деревни Струневщина, которую нынче можно найти далеко не на всех картах.

Путь на машине занял примерно минут сорок. Разговорились. Анжелика Романовна рассказала: *«По поводу могилы Эфрона есть разные гипотезы. Георгий Эфрон принимал участие в боях на этих землях. Именно здесь он получил ранение – есть официальные данные, мы проверяли это через ОВД “Мемориал”. В официальных военных донесениях есть запись о том, что он был здесь ранен и отправлен с обозом в полевой госпиталь. Госпиталь размещался в Миорах, но обоз туда не дошёл. Георгий Эфрон в списках прибывших не значится. Памятник с надписью Г. Эфрону здесь появился давно, точно никто не скажет, когда. После каждого боя работали похоронные бригады. В официальных донесениях указано, что похоронные бригады полков, участвовавших в том бою, вели работу не очень качественно, об этом писал Александр Товиевич Пантелейко, бывший директор нашего музея, в книге “Память: Браславский район”. Часто погибших хоронили и местные жители. В послевоенное уже время часть погибших перезахоранивали централизованно. У нас в Браславе есть памятник воину-освободителю. К этому памятнику и привозили останки погибших из разных деревенских кладбищ, а также из мест, где были захоронения (берег реки, обочина дороги, например: шла война, похоронным бригадам некогда было подыскивать места для захоронений).*

Так вышло, что Эфрона не перезахоронили. По одной из версий, захоронений было несколько. Это нашли позже и уже не стали переносить. Наш местный житель уверял, что он лично при захоронении нашёл медальон, на котором было написано “Георгий Эфрон”. Однако в книге “Память: Браславский район”, как и во многих других материалах на эту тему, сказано, что точка в этой истории ещё не поставлена. Фамилию местного жителя назвать не могу – слишком давно это было, но информация проверялась Браславским райвоенкоматом и районным музейным объединением.

Нынче памятник стоит уже новый. Раньше за могилой присматривала Черневская школа, в ней даже уголок в музее был, посвящённый Георгию Эфрону. В 2012 году приезжали сотрудники музея Марины Цветаевой из Москвы, они ездили на могилу Эфрона и тоже говорили о том, что по своим каналам не смогли найти точную информацию, что именно здесь захоронен сын Марины Цветаевой.

В этих местах – по направлению к Слободке – долго длился бой за Друю, было очень много погибших.

За нашей школой закреплено семь воинских захоронений. У нас разработано несколько экскурсионных маршрутов разной продолжительности. Это и велопоходы, и Звёздные походы. В осенний период чаще всего, но бывает и в летние каникулы. Составлена карта захоронений по всей территории – по-моему, она есть в каждой школе. Каждая школа имеет несколько захоронений, за которыми она ухаживает. Операция “Обелиск” проходит у нас ежемесячно. В этом году умер последний ветеран в нашей местности – остались узники концлагерей, вдовы ветеранов.

Говорили, что здесь работала артиллерия, был очень плотный огонь, что во время боя работал снайпер, который вёл такой сильный огонь, что невозможно было подобраться к раненым, и продолжалось это очень долго. К сожалению, медальон, найденный местным жителем, нигде не зафиксирован. С его слов, он отдал его офицеру».

Позднее мы узнали: имя этого человека – Иван Никодимович Абрамович. Ему тогда было 14 лет. *«...Знаете, когда на уроках литературы изучают творчество М. Цветаевой, детям всегда удивительно и интересно узнать, что сын поэтессы погиб на Браславской земле, возле деревни Струневщина...»* – продолжает Анжелика Романовна.

И вот мы подъехали к самому месту захоронения. Чисто убрано и ухожено, даже листьев, как это обычно бывает осенью, не было. Ограда покрашена, памятник в отличном состоянии. Установлен он в скромной оградке – на самом краю кладбища, чуть в отдалении, у подножья раскидистой берёзы.

С Пантелейко Александром Товиевичем, исследователем военного периода жизни Георгия Эфрона, мы встретились в тот же день в самом Браславе. И уже позже не раз довелось беседовать по телефону. Александр Товиевич рассказал:

«...В Браславском музее была скромная экспозиция, но в ней только фотографии захоронения. На тот момент мы даже не знали, та ли это фотография... Решили обратиться в архив Министерства обороны, который в Подольске, “Мемориал”. В первую поездку я занялся документами, к которым был доступ. Пошёл от общих сведений до самых-самых мелочей. Сухие военные сводки подтвердили, что именно на территории Браславского района в этом полку, в этом взводе воевал сын Марины Цветаевой. Материалы полковника и журналиста С. В. Грибанова, писавшего на эту тему (статья С. Грибанова «Строка Цветаевой» опубликована в журнале «Неман», № 8 за 1975 г. – Прим. автора) я не брал... Неожиданно в документах нашёл докладную записку, а в ней написано, что Георгий Эфрон якобы пропал без вести...»

Из биографии Марины Цветаевой о судьбах отца Георгия Сергея Яковлевича Эфрона и его сестры Ариадны понятно то обстоятельство, что Георгий как сын и брат арестованных по подозрению в шпионаже был призван 26 февраля 1943 года и направлен в трудовую армию, в запасной полк, располагавшийся в районе подмосковного Алабино.

Оттуда он пишет в своих письмах родным: *«...Я думал, что с моим отъездом нашу семью окончательно раскисировали, окончательно с ней расправились, и меня роковым образом постигло то, чего я так боялся, ненавидел и старался избежать: злая, чуждая, оскаленная “низовка” – тяжёлого труда, дикости, грубости, низовка страшной отдалённости от того, что я любил и чем жил. Прощай, музыка, прощай, литература, прощай, образование: завод, полевые работы, грубость и вонь, грязь и глупость – вот теперь мой удел...»* *«...Итак, круг завершился – Серёжа (отец. – Здесь и далее, в скобках, – прим. автора) сослан неизвестно куда, Марина Ивановна (мать) покончила жизнь самоубийством, Аля (сестра) осуждена на 8 лет, я призван на трудовой фронт...»*

В письме к сестре своего отца в конце марта: *«Вторично, даже третий раз, я остаюсь в Алабино на неопределённое время. Две недели тому назад, когда рота отправлялась в марш, я в последнюю минуту был выключен из списка из-за болезни и биографических данных...»* Из этих строк очевидно, что юноша просто мечтает, рвётся на фронт...

Наконец он попадает на фронт. Он рвался в бой. Он желал этого. И настроение его меняется. Первая открытка Георгия с фронта датирована 3 июня 1944 года. *«Я всегда чувствовал потребность иногда подводить итоги – и особенно в критические моменты моей жизни. 3 месяца запасного полка, 2 недели фронта (...ну и 19 лет жизни!) Что дальше? Что меня ждёт впереди? Я твёрдо уверен в успехе в жизни, который придёт в своё время, как и общая наша победа, – а её уже видно.*

Пока что работаю по писарской части, но завтра пойду в бой автоматчиком или пулемётчиком. Я абсолютно уверен в том, что моя звезда меня вынесет невредимым из этой войны, и успех придёт обязательно; я верю в свою судьбу, которая мне сулит в будущем очень много хорошего.

...Я полагаю, что смерть меня минует, а что ранят, так это очень возможно».

Нет. Не миновала...

Возвращаемся к рассказу А. Т. Пантелейко:

«Георгий Эфрон был грамотным человеком (а такими в то время были далеко не все), его поставили писарем – это доподлинно известный факт. Потом оказалось, что не хватало людей идти в бой, и ему вручили автомат... Есть документ, подтверждающий, что Эфрон был ранен и выбыл в медсанбат. Есть документы медсанбата, что к ним везли восемь человек, но не довели – они пропали. Возможно, в обоз попала бомба, это основная версия.

Мы нашли местного жителя (им был Абрамович Иван Никодимович. – Прим. автора), проживавшего ближе всех к могиле. Тот житель рассказал, что они с семьёй прятались в землянке, но погиб кто-то из их родных. Когда бой поутих, они выбрались, чтобы похоронить его тело. Это было на окраине кладбища – там они нашли тело какого-то бойца. Его документы отдали неизвестному офицеру, а также отдали часы и другие личные вещи. Многие предполагают, что погибшим мог быть Георгий Эфрон... Но всё же есть сомнения».

По нашему запросу Браславский райвоенкомат предоставил нам паспорт захоронения, документ, оформленный по всем правилам, вызывает доверие. Он с гербовыми печатями и подписями ответственных людей. Но в паспорте захоронения указано, что это не Браслав, а деревня Струневщина Друевского сельсовета Браславского района, и что в захоронении под номером 2199 покоятся останки трёх погибших бойцов. Вот фотокопия этого документа:

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

ПАСПОРТ

воинского захоронения
(захоронения жертв войн)

2199

(учётный номер)

Место и дата захоронения Витебская область, Браславский район, Друевский сельсовет, д. Струневщина
(область, район, город, сельсовет, населённый пункт, число, месяц, год)

Вид захоронения братская могила

Охранная зона (границы захоронения) 3 × 1,5 м

Краткое описание захоронения и его состояние памятник, удовлетворительное

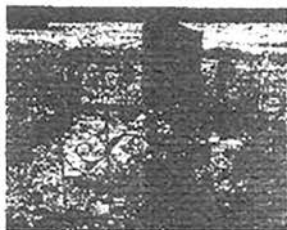
Количество захороненных:

Всего	В том числе по категориям								Из них		Примечание
	военнослужащих		участников сопротивления		военнопленных		жертв войн		известных	неизвестных	
	известных	неизвестных	известных	неизвестных	известных	неизвестных	известных	неизвестных			
11	3								3		

6. Персональные сведения о захороненных:

№ п/п	Воинское звание	Фамилия	Собственное имя	Отчество (если таковое имеется)	Дата рождения	Дата гибели или смерти	Место первичного захоронения	Место службы	Место рождения и призыва
1	Рядовой	Бондаренко	Степан	Емельянович	1915	12.07.1944		437 сп 154 сд 6 гв А	Курская область, Суджанский район, Локнянский с/с; Суджанский РВК, Курская область
2	Рядовой	Чуклов	Порфирий	Петрович	1909	11.07.1944		437 сп 154 сд 6 гв А	Алтайский край, Быстроистокский район, с. Усть-Ануй; Быстроистокской РВК, Алтайский край
3	Рядовой	Эфрон	Георгий	Сергеевич	1925	12.07.1944		438 сп 154 сд 6 гв А	Московская обл., г. Москва; Советский РВК, Московская область, г. Москва, Советский район

7. Кто осуществляет уход за захоронением: Государственное учреждение образования «Козьянская детская сад – базовая школа Браславского района»

8. Фотоснимок захоронения

9. Карта расположения

10. Дополнительная информация

11. Подписи уполномоченных представителей:

местного исполнительного
и районного исполнительного органа
базового уровня
М.П.

03 20 17 г.

военного комиссариата
М.П.

03 20 17 г.

Председатель Браславского

(председатель районного
районного исполнительного комитета
исполнительного комитета)

В.А. Драневский

В.В. Громницкий
(районный военный комиссар)

Сайт ОБД «Мемориал» даёт справку, что 9 июля 1944 года состоялось перезахоронение останков погибших в братскую могилу в Браславе. Но на памятнике, установленном на братской могиле в Браславе, среди имён похороненных в ней воинов нет имени Георгия Сергеевича Эфрона.

Нам рассказали, что в сентябре 2012 года, в год 120-летия со дня рождения М. И. Цветаевой, с целью возложения цветов к братской могиле в Браславе, где, согласно указанным на сайте сведениям, покоится прах Георгия Эфрона, была предпринята экспедиция, инициатором которой была Мунира Уразова, глава издательского отдела московского Дома-музея М. И. Цветаевой.

На Браславской братской могиле имя Эфрона Г. С. они не обнаружили. Возник закономерный вопрос: так где же захоронены останки погибшего Георгия Эфрона – в братской могиле, как утверждают данные сайта «Мемориал», или у кладбища в деревне Струневщина, где установлен обелиск? И до сих пор беспокоит вопрос: что же там на самом деле – памятник или могила, о чём утверждает документ – паспорт захоронения? Мы стали разыскивать всё, что можно было найти по этой теме.

Из краткой биографии Георгия Эфрона мы знаем, что единственный сын Марины Цветаевой и Сергея Эфрона родился 1 февраля 1925 года в Чехии, в деревне Вшеноры под Прагой. Осенью 1925 года его родители переехали во Францию. В 1939 году приехал с матерью в СССР, вскоре после начала войны эвакуировался с ней в Елабугу (Татарстан). Осенью 1941 года остался один: М. И. Цветаева 31 августа 1941 года покончила с собой. Отец был расстрелян 16 октября 1941 года (о его судьбе близкие так и не узнали). Сестра Георгия – Ариадна Эфрон – находилась в лагере, обвинённая по статье «подозрение в шпионаже». С конца 1941 года до лета 1943 года юноша жил в Ташкенте в эвакуации. Учился в школе, голодал. Там вызван на призывной пункт в январе 1943 года, его определили в трудовую армию, но затем оставили доучиваться в школе. Летом 1943 года вернулся в Москву и поступил в Литературный институт, проучился один семестр. Как только ему исполнилось 18 лет, 26 февраля 1944 года его призвали в армию Советским РВК г. Москвы. Проходил обучение в Алабине. Рядовой Георгий Эфрон воевал в составе 7-й роты 3-го батальона 4-го отделения 437-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии 1-го Прибалтийского фронта. Последнее письмо к тётке, Е. Я. Эфрон, было датировано 4 июля 1944 года. Похоронки родные не получили, а потому о его судьбе ничего не знали. Рядовой Г. Эфрон был ранен 7 июля 1944 года и убит в медико-санитарный батальон № 183 (ЦАМО, ф. 437 сп, оп. 140078, д. 10, л. 117). Эти сведения взяты из справки, составленной М. М. Уразовой...

Проработали множество публикаций и материалов. Интересен материал Ирины Михайловны Невзоровой, члена Союза писателей Москвы. Она пишет:

«... Среди 1100 имён, высеченных на плитах братской могилы в Браславе (“воинское захоронение № 4046”), имени красноармейца Георгия Эфрона нет. Шефствует же над мемориалом “Браславская государственная гимназия”, расположенная по соседству с братской могилкой. На Браславщине сооружено семь мемориальных братских могил (среди них – в г. Браславе и в г. Друе), куда были перенесены останки солдат из временных (как братских полковых, так и индивидуальных, отысканных по “крохам”) захоронений Браславского района. Первые захоронения в братскую могилу Браслава вскоре после освобождения города – 9 июля 1944 г. В конце 1940-х годов был открыт мемориал “Братская могила”, в 1981 г. мемориал увенчала скульптура воина, автор скульптуры С. И. Селиханов. Списки высеченных на плитах имён несколько раз пополнялись...»

«... Изучив в городском военкомате списки солдат, перезахороненных в Браслав из братской могилы в Струневщине, мы убедились, что в списках имя Г. С. Эфрона действительно есть. Но лишь около его имени нет “крестика”: отметки о перезахоронении».

У ограды сельского кладбища близ деревень Струневщина и Друйка, за которые было пролито море крови и от которых на сегодня осталось по два-три двора, и находится «воинское захоронение № 2199», стоит памятник Георгию Эфрону. Первый обелиск был установлен здесь сердобольными местными жителями, низкий им поклон за это. Белорусский народ очень ранимый, душевный, умеющий ценить и хранить память. Особенно это видно нынче по тому, как ухожены воинские могилы по всей Беларуси. Памятник из бетонной крошки был установлен местными властями в 1975 году, после опубликования в газете «Неман» (1975, № 8) статьи военкора С. В. Грибанова. Поисковый материал, собранный им и отданный Ариадне Сергеевне Эфрон, та передала в РГАЛИ. На этом памятнике указано лишь одно имя – Георгий Эфрон.

В паспорте захоронения 2199 в разделе 6 – «Персональные сведения о захороненных», указаны имена ещё двух погибших: уроженца Курской области Суджанского района Локнянского сельсовета – рядового Бондаренко Степана Емельяновича, которому на момент гибели 12.07.1944 года было 29 лет, и рядового Чуклова Порфирия Петровича, уроженца Алтайского края из села Усть-Ануй Быстроистокского района, ему было на момент гибели 35 лет. Третьим в этом паспорте значится погибший рядовой Эфрон Георгий Сергеевич, призванный Советским райвоенкоматом г. Москвы и погибший в свои 19 лет от руды. Но имён первых двух нет на обелиске в Струневщине, а имён всех троих – нет на братской могиле в Браславе. Так кто же лежит под обелиском? Или всё-таки перезахоронение произошло, а памятник оставили. Почему нет? Сколько таких обелисков по нашей многострадальной земле поставили сердобольные люди на месте гибели бойцов...

«... С уникальным материалом по освобождению Браславского района мы познакомились, поработав в фондах Браславской центральной библиотеки, нам очень помогла директор Ольга Анатольевна Лесневская, – пишет И. М. Невзорова. – Наиболее ценный материал собран в многотомном издании “Память”, в котором Браславскому району посвящён отдельный том. Директор Браславского музейного комплекса Александр Товиевич Пантелейко посвятил Георгию Эфрону в книге “Память: Браславский район” отдельную статью. Он писал: “6 июля <1944 г.> с боями 154-я стрелковая дивизия (командир полковник П. Т. Сачилав. – И. Н.) вошла на территорию Браславского района. Двигалась она широким фронтом – от Друи до Слободки. 437-й полк занимал позиции около деревень Коковицина, Бернатовщина, на берегу реки Друйки...” (Пантелейко А. Т. Точка не поставлена / Память: Браславский район. – Минск, 1998, с. 415). «В Слободке был “медсанбат подхвата”, где раненым оказывали первую помощь, перевязывали, а потом обоз забирал и увозил их в медсанбат. Известно, что 2–8 июля 183-й медсанбат базировался у деревни Шнурки Миорского района, 9 июля – у деревни Каженики того же района (там же)».

...«За годы оккупации на Браславщине было уничтожено около 10 000 мирных граждан, сожжено 97 деревень, четыре из них разделили трагическую судьбу Хатыни (т. е. были сожжены вместе с жителями. – И. Н.). Браславский район освобождён войсками Первого Прибалтийского фронта в ходе Шауляйской наступательной операции 1944 г. Боевые действия вели войска 6-й гвардейской армии, 154-й стрелковой дивизии, 1-го танкового корпуса фронта...» (брошюра «Браславский район», 2008, с. 18; Плотников Ю. В. Освобождение Белоруссии. – М.: Воен. издат., 1984).

Деревня Друйка, за освобождение которой погиб Георгий Эфрон, была очищена от фашистов 7 июля 1944 г. По одной версии: «в медсанбат Г. С. Эфрон не прибыл», значит – или умер по дороге (и был снят с обоза и захоронен), или второй раз попал под обстрел (бомба попала в обоз с ранеными). По второй версии: «183-й медсанбат, обслуживавший 154-ю дивизию, в июле-августе 1944 г. не имел возможности вести учёт раненых, поэтому сведения о Г. Эфроне на этом обрываются» (Эфрон Г. Письма, с. 223) – т. е. умер уже в медсанбате. Есть основания верить последнему, т. к. «противник встречал шквальным огнём», «была настоящая мясорубка», «лишь с третьей попытки д. Друйка была взята».

Народ Беларуси и по сей день чтит память солдат, погибших за освобождение нашей земли от немецко-фашистских захватчиков. Активно ведётся эта работа и на Браславщине. Так, в настоящее время под эгидой идеологического отдела Браславского районного исполкома идёт постоянная работа по увековечиванию имён павших воинов. Однако так и осталось непонятным, почему в «Паспорте воинского захоронения № 2199» от 14.01.2005 года за подписью официальных лиц мемориал значится как «братская могила» с указанием имён трёх лиц, погибших на Струневщине: Г. С. Эфрона, С. Е. Бондаренко и П. П. Чуклова...»

Оказавшись на Браславщине, вспоминаешь строки из писем Мура (домашнее прозвище Г. Эфрона, ставшее его вторым именем) о красоте здешних мест, заставляющих хотя бы на минуту не думать о войне.

И красота родной природы, по-прежнему сияющая в своём великолепии, переносит нас мысленно в те страшные годы, когда она была так же очаровательно прекрасна, несмотря на то что шла жестокая война по этой красоте, уничтожая всё живое.

«...Георгий Эфрон отличался от сотен тысяч таких же ребят, выдернутых из институтских аудиторий согласно приказу от 31.12.1942 о призыве граждан 1925 года рождения, главным образом тем, что был сыном великого русского поэта. Те, кто имел возможность наблюдать Мура,

называли его “Марин Цветаев”. Речь идёт не только о портретном сходстве и его поведении. М. И. Цветаева, безумно любившая сына, ценила его и как свидетеля своего бытия, имея в виду не столько дневниковые записи сына, сколько его безмолвное присутствие в каждом дне и часе своей жизни. Письма и дневники Г. С. Эфрона опубликованы, по этим ценнейшим эпистолярным документам, подтверждающим репутацию автора (“Марин Цветаев”), потомки могут проследить процесс обращения избалованного юноши в мужчину. Сын гениальной М. И. Цветаевой не спрятался от призыва, а сложил голову за своё отечество, которое он так мало знал и понимал. Только за это М. И. Цветаева могла бы гордиться своим сыном. Георгий Эфрон, прошедший через чудовищные трудности в борьбе за элементарное выживание, не расставаясь в мыслях своих с “Мариной Ивановной” (так он называл мать), уже в свои неполные 18 лет писал: “...Как я её понимаю теперь! Теперь я могу легко проследить возникновение и развитие внутренней мотивировки каждого её слова, каждого поступка, включая самоубийство” (письмо от 08.01.1943 к С. Д. Гуревичу / Эфрон Г. Письма / Изд. подг. Е. Б. Коркина. – Калининград М. О.: Музей М. И. Цветаевой в Большеве, Луч-1, 1995, с. 108)...

Анастасия Ивановна Цветаева, тётка Георгия Эфрона, желая оставить потомкам сведения о своих близких, шаг за шагом собирала факты их биографий. В книге «Воспоминания» она посвятила Г. Эфрону не одну страницу. А. И. Цветаева по имеющимся на тот момент (1978) сведениям прослеживает – как и когда появился памятник Георгию Эфрону. (Книга воспоминаний выдержала несколько изданий, автор статьи приводит цитаты по книге: Цветаева А. И. Воспоминания. – М.: Изографус, 2003.)

«В 1975 г. в № 8 журнала “Неман” появилась статья подполковника С. В. Грибанова, – пишет А. И. Цветаева, – проделавшего большую работу по следам Георгия Эфрона. Она называется “Строка Цветаевой”. И статья С. Викентьева (псевдоним Грибанова) в журнале “Родина” (№ 3 за 1975 г.)... Подполковник, военный корреспондент, любитель творчества Цветаевой, С. В. Грибанов поднял все сохранившиеся с тех пор документы, пересмотрев огромное количество бумаг... нашёл людей, в боях знавших Мура. Их отзыв: “В бою бесстрашен”» (Воспоминания, с. 848–849).

Ариадна Сергеевна Эфрон ознакомилась со статьёй С. В. Грибанова в рукописи, т. к. её долго никто из редакторов журналов не решался публиковать. Она внимательно прочитала статью и по окончании чтения сказала с облегчением и благодарностью: «Над нашей семьёй так долго висело это двусмысленное “пропал без вести”».

...А. И. Цветаева продолжает: «Последний его бой был 7 июля 1944 года – о нём он накануне сообщил своей сестре Але: “Завтра – в бой”. Больше от него вестей не было. В этом бою, в лесу, гоня фашистов, он был тяжело ранен и “отбыл в медсанбат”.

В архиве ЦГАЛИ сестра Мура, Аля, оставила десятки документов и писем этого многотрудного поиска С. Грибанова» (Воспоминания, с. 849).

Заметим, что на тот момент не были собраны и изданы письма и дневники Мура, не была издана в Белоруссии и многотомная книга «Память». Поэтому извинительны ошибки в записях А. И. Цветаевой: письмо к А. С. Эфрон написано не «накануне» последнего боя («...завтра пойду в бой»), а накануне первого для Г. Эфрона боя, состоявшегося 28 июня 1944 года («Бой был пока один... Постепенно захожу в боевые будни... Мёртвых я видел в первый раз в жизни: до сих пор я отказывался смотреть на покойников, включая и М<арину> И<вановну>», – из письма от 30.06.1944 г.); бой был не «в лесу», местность была «пересечённая», «редкий перелесок»; «другие смертные ранения» в том бою были.

А. Цветаева вспоминает: «...Прошло ещё три года. И вдруг из Браслава написали, что место захоронения Георгия Эфрона подтвердилось. И была получена справка от районного военкомата, помеченная 13 февраля 1978 г., в которой было написано: “Уважаемый тов. Грибанов С., по Вашей просьбе высылаю фотографию памятника, установленного на месте захоронения советских воинов и в их числе Г. Эфрона. Имена остальных воинов нам неизвестны”»...

«Вскоре и я получила фотографию: близ деревни Друйка на фоне голых ветвей под снегом стоит обелиск над могилой. На нём надпись: “Эфрон Георгий Сергеевич погиб в июле 1944”. Кто захоронен с ним вместе? Может быть, мы ещё узнаем эти имена...» (Воспоминания, с. 849).

Так памятник Георгию Эфрону, действительно погибшему в районе д. Друйка, установленный местной администрацией, был назван могилкой, захоронением, получил инвентарный номер и поставлен на охрану.

8 июня 2004 года по инициативе Друйского сельсовета состоялось открытие мраморного обелиска «на могиле» Г. С. Эфрона, заменившего старый, выполненный из бетона и разрушившийся. Проектировал памятник Ю. А. Мирош, главный архитектор района. Спонсорскую поддержку оказало витебское предприятие «Витгран» (Клишков Д. Открытие памятника Г. Эфрону // Браславская звезда. – 2004. – № 46. – 12 июня, с. 2).

«...Мы только и делаем, что движемся, движемся, движемся. Почти безостановочно идём на запад... Я веду жизнь простого солдата, разделяя все её тяготы и трудности. История повторяется: и Ж. Ромэн, и Дюамель, и Селин тоже были простыми солдатами, и это меня подбадривает!.. Мы теперь идём по территории, находящейся за пределами нашей старой границы, немцы поспешно отступают, бомбят наступающие части, но безуспешно, наступление продолжается... Население относится радушно; народ симпатичный, вежливый...»

Пейзаж здесь замечательный, и воздух совсем иной, но всего этого не замечаешь из-за быстроты марша и тяжести поклажи. Жалко, что я не был в Москве на юбилеях Римского-Корсакова и Чехова!»

– это слова из последнего письма Георгия Эфрона (письмо от 4.07.1944 г. к Е. Я. Эфрон и З. М. Ширкевич). Последние слова, последние земные мысли и чаяния сына Марины Цветаевой, крещённого огнём, преображённого – «пронзённого»...

Работая над материалами, беседуя с людьми, посещая места захоронения и братской могилы на Браславщине, изучая документы, биографические книги о Марине Цветаевой, мы всё больше приходили к выводу, что история семьи М. И. Цветаевой поистине трагична. Особенно поразил биографический труд Лили Рейлер «Марина Цветаева. Двойной удар небес и ада», издательство «Феникс», 1988 год. Эта книга содержит в себе уникальный биографический материал и, самое главное, впервые воссоздаёт психологический портрет одной из самых загадочных и романтических фигур XX столетия – поэтессы Марины Цветаевой. Трагический рок будто висит над её именем и именами её любимых и родных даже после ухода в небытие.

К сожалению, на земле много неразгаданных тайн, особенно касающихся мест захоронения. Неизвестно ведь точное место захоронения самой Марины Цветаевой, но стоит памятный знак в Елабуге на кладбище.

Аналогичных примеров множество. Согласно встреченной на просторах Интернета информации, в 1924 году делегация белорусской интеллигенции приехала в Ялту, чтобы посетить могилу пронзительно гениального, прекрасного белорусского поэта Максима Богдановича и... не обнаружила её! Сей факт дал основание современным исследователям предположить, что истинное место захоронения поэта было утеряно, а нынешний памятник стоит лишь на одном из предположительных мест, где мог быть захоронен Максим. Но памятник стоит. И к нему постоянно приходят люди, всегда на гранитной плите свежие цветы, листки со стихотворными строками тончайшего лирика, моего любимого белорусского поэта.

Неизвестно и место захоронения матери Яниса Райниса – известного и всеми почитаемого поэта в Латвии, а памятный камень его матери Дарте Плиекшан стоит в Витебске на Старосемёновском кладбище, в самом его центре. Мы приходим к нему и возлагаем цветы, отдавая дань памяти матери поэта.

Хочется верить и надеяться, что здравый смысл одержит верх над ореолом «неразгаданной тайны» и «Воинское захоронение № 2199», пока не появятся точные доказательства нахождения в том месте останков Георгия Эфрона, будет переименовано в «Памятник Г. С. Эфрону», установленный на месте его гибели, а имя 19-летнего красноармейца Георгия Эфрона, до конца исполнившего свой гражданский долг, наряду с другими погибшими бойцами, будет высечено на плите братской могилы в Браславе.

И может статься, что туристические агентства проложат туда свои тропы, а у обелисков и памятников погибшим воинам, среди которых захоронен и единственный сын всемирно известной гениальной поэтессы Марины Цветаевой, будут лежать живые цветы от любителей поэзии Цветаевой со всего света.